СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ В РОССИИ:
опыт прошлого и современные проблемы*

Р.А. Лопаткин

Обратиться к постановке данной проблемы побуждают два обстоятельства.

Во-первых, тот факт, что, начиная с конца 80-х гг., в процесс реформирования российского общества религия как таковая, деятельность религиозных организаций различных конфессий и их социальный потенциал, интересы и настроения верующих людей, число которых заметно выросло, стали значимыми факторами духовной и общественно-политической жизни России. К ним проявляют интерес широкие массы населения, политические, этнические и культурные элиты, политические партии и общественные движения, властные структуры, ученые, причем не только религиоведы, но и историки, философы, социологи, политологи, даже экономисты. К ним обращены определенные ожидания общественного мнения, частично оправдывающиеся, частично оказывающиеся напрасными, но неизменно фиксируемые социологами на протяжении всех 90-х гг. Многим хочется понять, как и почему за такой короткий срок произошла радикальная переориентация общественного сознания по отношению к религии и Церкви и какие последствия это будет иметь для дальнейшего развития нашей страны, в частности, для формирования гражданского общества. Ответов на эти вопросы ждут прежде всего от социологов.

Таким образом, есть что исследовать в этой сфере социологическими методами. Есть и потребитель такой информации, правда, не всегда становящийся заказчиком. А без целенаправленного финансирования подобные исследования, как и любые социологические исследования, в условиях рыночных отношений провести невозможно. Тем не менее есть настоятельная необходимость социологам-религиоведам в полный голос заявить о своей готовности проводить как общероссийские, так и локальные исследования широкого круга проблем религии как значимого социального, общественно-политического и социокультурного феномена, взаимосвязи религии с процессами, протекающими в обществе, динамики религиозной и конфессиональной идентификации различных групп населения, ее влияния на межнациональные отношения и т.д.

Вторым поводом и предпосылкой обращения к теме настоящего «круглого стола» является тот факт, что социология религии в России, по крайней мере на уровне эмпирических исследований, получила за последние 10–12 лет, если еще не развитие, то во всяком случае широкое распространение, обросла молодыми кадрами, накопила известный опыт и фактический материал, который требует критического осмысления, сравнительного анализа. Есть что обсуждать предметно, из чего делать выводы, вычленять новые проблемы и тенденции; есть материал для того, чтобы заглядывать в будущее нашей социологической дисциплины.

Если в советское время социологическим изучением проблем религии занималось ограниченное число научных учреждений, в основном однозначной идеологической направленности [Институт научного атеизма (ИНА) АОН при ЦК КПСС, его киевский, вильнюсский и ташкентский филиалы, некоторые кафедры научного атеизма в вузах и только два-три академических института], при полном игнорировании этого направления исследований профессиональными социологическими центрами, то в последнее десятилетие социологические исследования проблем религии, в том числе в режиме мониторинга или в качестве отдельных проектов, проводятся Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), фондом «Общественное мнение», Аналитическим центром при Президиуме РАН и социологическим центром Российского научного фонда, кафедрой религиоведения РАГС, Российским независимым

---

* Настоящая статья представляет расширенный вариант доклада, сделанного автором на заседании одноименного «круглого стола», проведенного Исследовательским комитетом социологии религии Российского общества социологов 1 марта 2000 г. Публикуется по: Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2001. № 4 (28). С. 34-46.

институтом социальных и национальных проблем, Институтом социально-политических исследований РАН, Институтом этнологии и антропологии РАН, Социологическим центром МГУ, многими другими научными учреждениями, социологами Санкт-Петербурга, Архангельска, Краснодара, Перми, Республики Тыва, Ханты-Мансийского автономного округа, военными социологами. Появилось немало интересных публикаций результатов социологических исследований проблем религии и написанных на их основе монографий, статей, диссертаций. Большой интерес к религиозным феноменам или, по крайней мере к характеризующим их социологическим данным, проявляют средства массовой информации.

Но этот бум публичного интереса к религии, несомненно отразивший рост общественной роли и престижа Церкви (религиозных организаций), имеет и другую сторону. Говорить и писать о религии, нередко демонстрируя свою причастность к ней, заниматься проведением социологических исследований в этой сфере стало модным. В последние годы не только религиозные общины заметно пополнились неофитами. Такие же неофиты, как в переносном, так и в прямом смысле, в большом количестве появились в научных учреждениях, в редакциях СМИ. Впервые обратившись к религиоведческой или религиозной проблематике, часто не имея специальной подготовки, не владея литературой, не зная отечественного социологического опыта, многие из них наивно и самоуверенно думают, что именно с них и начинаются российское религиоведение и социология религии. Но чванство и невежество наказывают своих носителей: последние просто обречены повторять те ошибки, которые их предшественники и старшие коллеги и совершали, и преодолели еще в 60-х гг.

Вместе с тем на новом этапе развития российской социологии религии появился ряд проблем, вполне разрешимых, если их осознать и последовательно работать над ними. Одна из них заключается в том, что для оценки сегодняшнего состояния того или иного явления (например, религиозной ситуации в стране или регионе, состояния религиозности населения, количественных и качественных характеристик и т.д., динамики происходящих в этой сфере процессов, их новизны или повторяемости) надо иметь точку отсчета, т.е. знать надежные параметры прошлого состояния, чтобы сравнивать с ними нынешние. И тут встает вопрос: есть ли с чем сравнивать, имеется ли прошлое у нашей социологии религии?

Конечно, есть прошлое, но, к сожалению, сегодня этот вопрос изрядно заидеологизирован. Многие неофиты от социологии религии либо ничего не знают о прошлых исследованиях, либо уничижительно относятся к работе, которую проделали отечественные социологи религии в 50–80-х гг. минувшего столетия. Аргумент один: «Это же писали атеисты, я это и читать не буду!» А зря, потому что в те годы в области социологии религии была проделана большая и интересная работа, оттачивались методология и методика исследований, был накоплен большой эмпирический материал, который во многом не утратил научного значения и сейчас.

Конечно, и методология, и методика, и результаты исследований советского периода требуют критического прочтения, непредвзятого анализа методических посылов и способов интерпретации эмпирических данных, отделения зерен действительно научной информации от идеологических плевел. Но критического прочтения, а не слепого отбрасывания. Иначе не избежать повторения ошибок.

Приведем пример. В первых массовых опросах 60-х гг. многие исследователи объединяли в один вопрос отношение к религии (наличие или отсутствие веры в Бога) и вероисповедание, т.е. априори предполагалось, что все опрашиваемые способны четко и однозначно идентифицировать себя в религиозно-конфессиональном плане и что конфессиональное самоопределение респондента уже само собой предполагает его религиозность. Например, в анкету закладывалась такая шкала: православный, католик, протестант, мусульманин, буддист, неверующий. Но очень скоро социологи увидели, что идет искаженная информация, и ответы на контрольные вопросы о вере в Бога рисуют не соответствующую реальности картину. Оказалось, что определенная часть респондентов, отмечая себя как православных, мусульман и т.д., имеют в виду вовсе не свое отношение к религии, не веру в Бога, а принадлежность к определенной этнокультурной среде и традиции. Уже тогда, в конце 60-х гг., мы разделили вопросы о мировоззренческой (о вере в Бога и неверии) и конфессиональной самоидентификации, поняв, что последняя не всегда свидетельствует о религиозности респондента, а часто выступает заместителем этнокультурной самоидентификации и поэтому не может высту-

пать, например, показателем уровня религиозность населения (выборочной совокупности).

Само по себе распределение населения по действующим в регионе религиям и конфессиям также представляет интерес и для социологов, и для властных структур, и для самих религиозных организаций и должно учитываться при формировании политики органов государственной власти и местного самоуправления в сфере свободы совести и вероисповедания, при выборе приоритетов в их взаимоотношениях с религиозными организациями. Тем не менее в процессе исследования эти два показателя надо разводить, чтобы не получать заведомо искаженную информацию об уровне религиозности населения. Но эту ошибку и сейчас повторяют многие исследователи и некоторые солидные социологические службы.

Другой результат неучета имеющейся социологической информации прошлых лет (или недоверия к ней) — неверная оценка показателей и масштабов динамики роста религиозности населения России в 90-х гг. Так, игнорируя результаты социологических исследований религиозности, осуществленных в 60–80-х гг., а, может быть, просто не зная о них, некоторые исследователи сегодня берут за точку отсчета результаты некоего советско-американского исследования, проведенного в Москве в 1990 г. и показавшего уровень религиозности москвичей в 10%. С ним сравниваются данные опросов, проведенных в России в течение 90-х гг. и отражающих последовательное увеличение уровня религиозности на 30–40–50%. Отсюда делается вывод о росте религиозности населения в трипять и более раз (некоторые авторы пишут о росте даже в десятки раз). Не говоря о некорректности сравнения данных по Москве и по России как однопорядковых (ни в советское время, ни сейчас в большинстве своем социологические показатели по Москве не были и не являются представительными для России в целом), ошибка заключается в неправильном выборе точки отсчета.

Исследования 80-х гг. дали совсем другие результаты, отличные от данных пресловутого московского исследования: по регионам показатели уровня религиозности населения колебались в пределах 20–30%, в регионах традиционного распространения мусульманства — до 50–60%, Это значит, что за 90-е гг. уровень религиозности населения действительно вырос, но не в пять-шесть и тем более не в десятки раз, а в полтора — два раза. Тогда и оценки так называемого религиозного возрождения России будут выглядеть иначе, гораздо скромнее.

Знакомство с исследованиями прошлых лет убережет современных социологов-религиоведов и от некоторых псевдооткрытий. Так, в одной интересной и серьезной статье можно прочитать: «Стоит, однако, отметить (это видно и по приведенным цифрам), что чаще всего позиции верующих и неверующих по социально-политическим вопросам *сегодня* (курсив наш. — Р.*Л.*) сходятся». Но они сходились и даже совпадали и прежде, в советское время, и об этом неоднократно было написано. Если бы автор принял во внимание ту информацию, то открытие могло бы быть иного рода: как прежде, так и теперь позиции верующих и неверующих по основным социально-политическим вопросам сходятся, а, значит, они зависят не от отношения тех и других к религии, а от общности их социально-экономического положения, от их общей озабоченности судьбой России.

Сегодняшняя социология религии в России возникла не на пустом месте. Опыт эмпирического исследования состояния и характера религиозности имелся уже в дореволюционной России. В основном этим занимались этнографы в плане изучения народной культуры и быта населения. Как по линии государственных органов, так и по линии церковного ведомства проводилось изучение «раскольников» и «сектантов». Вопросы, имеющие отношение к религии, неизменно присутствовали в обстоятельных статистических земских исследованиях. Это, например, вопросы о наличии в домах опрашиваемых икон и других предметов религиозного культа, духовной литературы, о размерах расходов на удовлетворение религиозных нужд и т.п. Было бы интересно поднять эти материалы из архивов и обработать их с помощью современной вычислительной техники. Они позволили бы нарисовать более объективную картину религиозности населения конца XIX — первых двух десятилетий XX в. Ведь до сих пор единственным источником по данной теме, на который ссылаются историки, являются материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Но в процессе этой переписи фиксировалась только конфессиональная принадлежность, которая была по существу принудительно-обязательной и не позволяла судить о действительном отношении человека к религии.

Говорить об исследованиях проблем религии в первый период советской истории много не приходится, потому что проводившиеся в 20–30-х гг. разрозненные исследования и такие же эпизодические публикации их результатов плохо документированы и вряд ли их можно подвергнуть верификации. Самые первые опросы в начале 20-х гг. по инерции сохраняли традиции и методики обследований, проводившихся до революции земствами (см., напр.: *Росицкий И.* Полгода в деревне: Основные итоги обследования 28 волостей, 32730 крестьянских хозяйств Пензенской губернии. Пенза, 1925), или использовали имевшиеся этнографические методики. Со второй половины 20-х гг. такие исследования, проводившиеся главным образом под эгидой Союза воинствующих безбожников, были уже направлены на выявление изменения отношения различных социальных групп населения (рабочих, крестьян, учащихся) к религии и, к сожалению, все более утрачивали научную строгость, приобретали идеологический инструментальный характер. Вместе с тем и применительно к этому периоду не надо допускать огульных обобщений и забывать о серьезных научных эмпирических исследованиях, проводившихся такими, например, известными учеными, как историк Н.М. Маторин, психолог Н.Н. Рыбников, этнограф В.Г. Богораз-Тан и др. Определенную верификацию разрозненных сведений о религиозности населения в тот период ныне позволяют произвести впервые извлеченные из секретных архивов результаты Всесоюзной переписи населения 1937 г., содержавшей вопрос об отношении к религии.

При всей отрывочности сведений о социологических исследованиях проблем религии в 20–30-х гг., при всей идеологизированности публикаций об их результатах они также составляют этап становления российской социологии религии. Было бы неплохо, если бы кто-нибудь из молодых социологов-религиоведов взялся собрать по архивам и публикациям эту информацию, с тем чтобы критически проанализировать и обобщить ее.

В конце 50-х — начале 60-х гг. одновременно со становлением в СССР социологии как науки началось и формирование социологи религии в ее сегодняшнем понимании. На первых порах шло заимствование методик у этнографов, частично у статистиков, что-то бралось из других отраслевых социологических дисциплин, кое-что, правда, в весьма ограниченном объеме, доходило из западного опыта, в частности, французских католических социологов школы Г. ле Бра. Двигались вперед методом проб и ошибок.

Самым значительным социологическим исследованием этого периода, оказавшим большое влияние на последующую социологическую практику в области религиоведения, следует назвать комплексное исследование проблем религиозного сектантства под руководством доктора исторических наук А.И. Клибанова, осуществленное в 1959–1961 гг. в виде серии экспедиций в Тамбовскую, Воронежскую, Липецкую и Рязанскую области. Его результаты опубликованы в нескольких номерах «Вопросов истории религии и атеизма», в трудах А.И. Клибанова.

Затем последовала серия социологических исследований локального характера, уже с применением таких методов, как анкетный опрос, интервьюирование, наблюдение. Они охватывали сначала отдельные населенные пункты, производственные коллективы; по мере накопления опыта границы расширялись до масштабов районов, городов, областей, автономных республик. Так, в 60–80-х гг. были проведены крупные исследования в Воронежской, Пензенской областях, Ставропольском крае, Чечено-Ингушской, Марийской, Татарской АССР, Ивано-Франковской области УССР, в ряде республик Средней Азии.

Эти исследования различались как по объекту, так и по проблематике, типу решаемых задач. Значительная часть из них была посвящена измерению уровня религиозности, масштабов распространения религиозных и нерелигиозных ориентаций среди населения, в отдельных социально-демографических и социально-профессиональных группах, в трудовых и учебных коллективах. Они позволяли раскрыть связь религиозности и ее эволюции с социальными условиями и процессами, происходящими в обществе, давали информацию о динамике религиозности, тенденциях изменений в ее внутренней структуре и внешних проявлениях, об особенностях и содержании религиозного сознания, позволяли построить типологию опрошенных по их отношению к религии и атеизму, предоставляли эмпирический материал о причинах и механизмах воспроизводства религиозности, об изменении места и роли религии в обществе. К этому типу исследований по объектам и методике

(преимущественно анкетированию) примыкали исследования общественного мнения по вопросам религии и атеизма.

Другой тип социологических исследований имел своим объектом непосредственно объединение верующих — религиозную общину, приход. Предметом изучения были состояние и динамика религиозной жизни, социально-демографическая структура состава общины, характер внутренних взаимосвязей и связей общины с внешним миром, со светскими структурами. Хотелось бы вспомнить, например, об уникальном монографическом исследовании православного прихода в селе Саконы Ардатовского района Горьковской области, осуществленном в 1966–1967 гг. В.Г. Пивоваровым.

Материалы большинства исследований, проводившихся в 60–70-х гг., были опубликованы, но часть из них осела в архивах партийных комитетов.

Нельзя не учитывать, что большинство таких исследований проводилось по заданиям партийных комитетов, и это не могло не накладывать отпечаток на формулировку их целей и гипотез, особенно на интерпретацию полученных результатов. Как на методики, так и на результаты, безусловно, влияла общая партийная идеологическая установка относительно «борьбы с религиозными пережитками». Здесь все зависело от степени научной добросовестности исследователей. Были конъюнктурщики от науки, но были и серьезные ученые, которые проводили социологические исследования проблем религии, стремились докопаться до действительного положения дел и отстаивали свое право писать правду.

Например, знаменитое исследование на тему «Процесс секуляризации в условиях социалистического общества», проведенное Институтом научного атеизма в Пензенской области в 1967–1968 гг., где были опрошены по однопроцентной выборке жители всех населенных пунктов области, показало уровень религиозности населения в 28% (19% верующих и 9% колеблющихся, которых исследователи тоже отнесли к религиозным). В ЦК КПСС и в Отделении философии и права Академии наук, где докладывались результаты этого исследования, они произвели, по воспоминаниям проф. А.Ф. Окулова, бывшего тогда директором института, эффект разорвавшейся бомбы и вызвали сильное недовольство высоких лиц: слишком отличались эти результаты от идиллической картины близкого преодоления религии, которую рисовала официальная пропаганда. Однако после нелегких обсуждений руководство ИНА добилось и признания, и опубликования материалов пензенского исследования, что открыло дорогу публикациям результатов последующих исследований.

Таким образом, несмотря на идеологическую заданность многих исследовательских программ, связанных с религией, ориентированных прежде всего на выявление и констатацию позитивных показателей процесса секуляризации, исследования 60–80-х гг. позволяли получать достаточно объективную информацию о реальных процессах в религиозной сфере. Они способствовали накоплению исследовательского опыта, совершенствованию методологии, отработке понятийного аппарата, методик сбора и обработки социологической информации.

Суть сказанного выше в том, что становление и развитие социологии религии в СССР и в России следует рассматривать как единый процесс со всеми его этапами, сложностями и противоречиями, ничего не вычеркивая, все критически осмысливая. Тот, кто отнесется к прошлому опыту социологии религии в нашей стране без чванства и высокомерия, увидит в нем и интересные находки, и поучительные ошибки. Знание и тех, и других является нашим научным достоянием и поможет двигаться дальше в развитии социологической дисциплины. Этот опыт позволяет лучше понять и сегодняшние проблемы. Поэтому, на наш взгляд, пришла пора приступить к основательному и непредвзятому изучению и написанию истории социологии религии в России.

Одной из серьезных проблем, с которыми мы сталкиваемся сегодня, является разброс показателей уровня религиозности населения в публикациях различных социологических служб и исследователей: данные колеблются от 30–35 до 60% (и это только у тех, кто заявляет, что работает по общероссийской выборке, локальные же исследования дают разброс от 20 до 80%). Что-то здесь неладно: или выборки нерепрезентативны у кого-то, или методики несовершенны и несопоставимы, или в ключевые понятия, такие, как «верующий», «религиозность», исследователи вкладывают разный смысл. Многое, видимо, зависит от того, что считать критерием религиозности, от типологии отношения к религии, в том числе и от таких «детских» ошибок, как смешение в одной шкале мировоззренческо-религиозной и конфессиональной самоидентификации респондентов.

Видимо, выработка единых или по крайней мере сопоставимых подходов к определению и операционализации ключевых понятий социологии религии, согласованных критериев и типологий религиозности должна стать неотложной задачей нашего научного сообщества на ближайшее время.

Следует обратить внимание и на то, что при проведении всероссийских исследований с объемом выборки в 1500–2000 единиц, а уж тем более при меньших объемах локальных исследований из поля зрения исследователей почти неизбежно выпадают представители религиозных меньшинств. В основном эти выборки содержат данные о православных и мусульманах (уже не столь адекватно) и совсем мало представлены или вовсе выпадают последователи других религий и конфессий, которых у нас в стране около шестидесяти, а в каждом регионе не менее двадцати-тридцати. Даже в самом репрезентативном по основным социально-демографическим параметрам исследовании это искажает представление о конфессиональном портрете России или региона и может вести к ошибочным выводам и действиям в практике государственно-конфессиональных отношений, в законотворческой деятельности.

Информация может быть скорректирована путем проведения одновременно с массовыми опросами населения дополнительных исследований среди представителей конфессий и деноминаций, не попадающих в выборку, но реально присутствующих в генеральной совокупности.

Серьезной задачей является укрепление сотрудничества и взаимодействия с представителями других отраслевых социологический дисциплин — политической социологии, этносоциологии и этнопсихологии, социологии конфликтов, военной социологии, социологии молодежи, социологии семьи, социологии образования и др. Мы работаем на одном поле. Религия сегодня так тесно вплетена в различные сферы общественной жизни, что плодотворное изучение ее общественной роли, динамики процессов в религиозной сфере неизбежно предполагает проведение междисциплинарных исследований.

И еще одна проблема, на которую стоит обратить внимание, — проблема личной идеологической ангажированности социологов, влияния их личного отношения к религии на степень научной объективности их исследований — в плане как методологических установок, так и интерпретации полученных результатов. Создается впечатление, что на место былой и дружно осужденной атеистической ангажированности части социологов-религиоведов приходит ангажированность конфессиональная. Это же можно сказать и о многих журналистах светских СМИ, публикующих материалы, основывающиеся на данных социологов. Например, в отчете одного солидного социологического центра читаю: «40% опрошенных верят в Бога, остальные еще на освободились от влияния атеистической пропаганды». Комментарии, как говорится, излишни.

Эта идеологическая конфессиональная предвзятость нередко звучит уже в формулировках вопросов, в их наборе и контексте анкеты, в который они ставятся. Известно, что Русская Православная Церковь систематически инициирует постановку вопроса о введении уроков религии в светских учебных заведениях. Иногда речь ведется о преподавании Закона Божьего прямо, иногда в лукавой формулировке «Основы православной культуры». В любом случае и государство, и общественность подталкивают к нарушению российских законов, утверждающих принцип светского характера образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях. И сторонники, и противники этого мероприятия ссылаются на данные социологических опросов родителей, учителей, учащихся либо населения в целом. Но их данные сильно разнятся: одни показывает 60 и более процентов сторонников обучения религии в светской школе, другие только 10–13%. В чем тут дело? А в том, что по-разному и в разном контексте ставятся вопросы. В первом случае ставится один вопрос — о желательности обучения детей религии, но при этом порой не указывается, что речь идет именно о государственной школе. Во втором эта позиция уточняется, и респондентам предлагается выбор: преподавание Закона Божьего («Основ религии») в школе в сетке основных часов; преподавание Закона Божьего факультативно во внеучебное время; обучение основам религии в воскресных школах при общине; преподавание научных знаний о религии (религиоведения). И тогда оказывается, что за обучение религии в школе высказывается незначительное меньшинство опрошенных, а примерно половина ратует за преподавание знаний о религии, т.е. научного религиоведения. Как видно из примера, серьезно влиять на результаты опроса может как конфес-

сиональная ангажированность социолога, так и уровень его методологической подготовки.

Другое дело, что теперь сами религиозные организации заинтересованы в применении социологических методов для познания процессов, происходящих в религиозной сфере, тенденций их собственного развития и взаимоотношений с обществом. Становится актуальным создание религиозными центрами своих собственных социологических служб.

О том, насколько эти службы могут быть полезны (при условии научного характера исследований), свидетельствует, например, опыт работы социологических служб Католической Церкви в Польше. В России же практически нет профессионально подготовленных кадров, которые могли бы наладить это дело в церквах и конфессиях. Кафедра религиоведения РАГС и Исследовательский комитет социологии религии Российского общества социологов готовы оказать помощь в подготовке таких кадров, а затем и в разработке соответствующих методик. Начало этой работе уже положено: в октябре 2000 г. названные структуры совместно провели 72-часовые курсы по теме «Социология религии»; двадцать выпускников получили соответствующие удостоверения Российской академии государственной службы. К сожалению, откликнулись только некоторые протестантские церкви, однако дело сдвинулось. Дальнейшее сотрудничество в этом направлении социологов-религиоведов РОС и кафедры религиоведения РАГС с конфессиями может быть весьма плодотворным.

© Лопаткин Р.А., 2010